

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 57 (764)

15 октября 1938 г., суббота

Цена 30 коп.

Почетная задача

На днях в Клубе писателей состоялась товарищеская встреча литераторов с летчиками, которые бомбили и обстреливали в бегстве самураев, пытавшихся обосноваться на высоте Заозерной, у озера Хасан. Эта встреча еще раз напомнила всем советским писателям об их большом долге перед нашей непобедимой Красной Армией и перед советскими и зарубежными читателями. Это долг, который мы должны выплатить возможно скорее и добросовестнее. Речь идет о книгах, посвященных нашей любимой Красной Армии, готовой в любую минуту несокрушимым ударом встретить любого врага, на любом участке границы, о книгах, посвящающих быт, людей нашей Красной Армии. В дни, когда все чаще и чаще вооружаются и продаваемыми маленькими и большими народами обращаются к Советскому Союзу, твердо стоящему на страже мира, все чаще и чаще в какой-то мере с хитростями, так же книги призваны сыграть большую международную роль.

Если правильно утверждение, что все произведения полководца советской литературы, укрепляющей волю в борьбе за социализм, являются произведениями по существу своему оборонными, то правильно также и то, что теперь, в дни обострившейся военной опасности, литераторам необходимо обратить все свои силы на создание книг, оборонных в самом тесном смысле этого слова.

Получившая свое первое боевое воспитание в огне гражданской войны, еще с самого начала своего развития, советская литература дала ряд гордо принятых советским читателем книг о Красной Армии и гражданской войне. Здесь были пламенные стихи Маяковского, книга комиссара Фурманова «Чапаев», «Тихий Дон», «Железный поток», «Разгром» и другие. И в последние годы, несмотря на тот факт, что оборонная комиссия союза писателей по существу ликвидирована, появились новые книги о Красной Армии и гражданской войне, привлекающие всеобщее внимание.

Многие писатели предприняли в разной степени удачные попытки — художественно воссоздать военное прошлое русского народа, столь богатое исключительными боевыми победами. И, наконец, как образец настоящей коммунистической оборонной, мобилизующей, наиболее полной интернациональной книги, выходит в этом году «Исторический дневник» Михаила Кольцова.

В свое время товарищ Сталин говорил, что одна из особенностей Красной Армии состоит «в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу советскую литературу». Изображение будней и героических дней нашей Красной Армии, ее изумительных людей, до конца преданных своему народу, родине и коммунистической партии, — это интернациональный долг нашей литературы.

А Красная Армия богата превосходными людьми, сделанными из крепкого, большевистского материала. Эти люди — рабочие, колхозники, интеллигенты — готовы для своей родины совершить любой подвиг. Это люди новой формации. Вся страна восхищается беспримерным подвигом трех героев — Гризодубова, Осипенко и Расковой. Их простые рассказы читаются, как самые увлекательные художественные произведения. Вот мужество, отвага, выносливость, хладнокровие и безграничная любовь к родине. Только страна социализма могла породить таких героев. Полита Осипенко, радая колхозница, была капитаном Красной Армии, стала интеллигентом. Ей не пришлось для этого променять оковы колодезные проволоки заплечения, которые ставили капитализм рабочим и крестьянам, стремившимся вырваться из тьмы и нищеты. Людей, полявших свои самые знаменитые, сотни тысяч. Они — и в Красной Армии, непобедимой армии советского народа. Это действительно соль земли советской. Народ ждал от писателей новых произведений, в которых эти люди, их дела, мысли и чувства были бы изображены глубоко и талантливо.

Большая, ответственная и важная задача.

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Институт литературы Академии наук СССР отмечает шевченковский юбилей академическим изданием «Повести и рассказы» великого украинского поэта. Как известно, многие произведения его (поэмы, повести, рассказы, дневники) написаны на русском языке. Эта часть литературного наследия Т. Г. Шевченко имеет большое литературное и политическое значение.

В Московском клубе писателей состоялась встреча писателей с участниками боев в районе озера Хасан. На снимке: Выступит участник боев лейтенант т. Руванов. Справа писатели Л. Леонин, К. Федин, Н. Левин и М. Зингар. (Отчет от встречи см. на 8-й стр.)

В Московском клубе писателей состоялась встреча писателей с участниками боев в районе озера Хасан. На снимке: Выступит участник боев лейтенант т. Руванов. Справа писатели Л. Леонин, К. Федин, Н. Левин и М. Зингар. (Отчет от встречи см. на 8-й стр.)

Летчицы-героини в Комсомольске

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ, 14 октября. (Молния, спецкор. ТАСС). Вчера состоялся многолюдный митинг работников машиностроительного завода. На нем с короткой речью, неоднократно прерываемой аплодисментами, выступила командир экипажа самолета «Родина» тов. Гризодубова.

Товарищи! От имени всего экипажа самолета «Родина» передаю вам горячий привет. Большое сердечное спасибо за заботу, за помощь, за встречу, за внимание! Наш экипаж выполнил задание партии и правительства. Летели мы в сложных условиях, поэтому произвели также в сложных условиях. Но потерпеть поражение мы не могли. Нам вел великий Сталин. То, что сделали мы, может сделать каждая советская летчица. У нас в стране созданы прекрасные условия для проявления талантов. Наша доблестная Красная Армия в боях у озера Хасан, разгромив врага, показала, что ждет всякого, кто попытается нарушить наш мирный труд. Мы будем бит беспощадно как с суши, с моря и с воздуха. Давайте крикнем «ура» за замечательную жизнь нашей родины, за аэроматье родного и великого Сталина.

Привет нашим дорогим товарищам, славным строителям социалистического города Комсомольска. Своим полетом стальные задания мы выполнили. Трудящиеся Комсомольска проявили активное участие в поисках места посадки самолета «Родина» и эвакуации экипажа из тайги. От души благодарим вас, товарищи! Такое внимание, такая забота о человеке, такое братское сотрудничество могут быть только в нашей стране победившего социализма, где народ является творцом и полновластным хозяином всех культурных и материальных благ, где социальным социалистическим трудом руководит партия Ленина—Сталина, где человек является самым ценным капиталом.

Суворов

Из поэмы *)
Прорвавшись в Муттен, он узнал
От мундирного шишона,
Что Римский-Корсаков бежал,
Оставив пушки и знамена,
Что все союзники ушли,
Кругом австрийская измена.
И в сердце вражеской земли
Ему едва ль уйти от плена.
Что значит плен? — Полвека он
Учил полки и батальоны,
Что есть слова: «давать пардон»,
Но нету слов: «спросить пардону».

Он не Христос, а генерал —
Из корки, чорт бы их побрал,
Он сто хлебов испечь не может,
Он лучше бы пошел сто раз
В огонь, под ядра, в наступление,
Чем видеть эти сотни глаз,
Просящих хлеба и спасения.
Он знал сраженья, смерть, больницы,
Но может прошибить слез,
Когда глядишь на эти лица,
На эти выпалые глаза,
Мундиры в дырах и заплатах,
Босые ноги на снегу...
Суворов стар, но он, ребята,
Еще не выдаст вас врагу!
Покуда верю солдатской
Он, как стеною, окружен.
Сквозь снег, сквозь смерть,
Сквозь пламень адский
Вас за собой протаскил он...
На ворохе гнилой соломы
Стоял у полковой казны
Солдат, фельдмаршалу знакомый
Уже не с турецкой ли войны,
Еще с Козлуджи, с Туртукая...
Стоит солдат, ружье в руках.
Откуда выправка такая,
Такая сила в стариках!
Усы расчесаны седые,
Ремень затянута вперехват,
И пуговицы золотые,
Медком начищены, горят.
Мундир зашит на удивление,
Стоит солдат, усы торчком;
В парадной форме по колени,
А ниже формы — босиком.
Подгреб себе клочок соломы,
Ногой об ногу не стучит.
А день-то свеж, а кости ломит,
А брохо старое бурлит,
А на мундире десять дыр,
Из всех заплаток лезет вата...
Суворов подошел к солдату,
Взглянул на кивер, на мундир,
Взглянул и на ноги босые...
И, рукавом содрав слезу —
От ветра, что ль, она в глазу? —
Спросил солдата: «Где Россия?»
Куда тебя спросил Суворов,
Не отвечать — помилуй бог!
И гранадер без разговоров
Махнул рукою на восток.
Суворов смерил долгим взором
Отроги, пики, ледники —
По направлению руки
На сотни верст тянулись горы;
Чтоб через них пробиться грудью,
Придется многим лечь. Жесток
Путь через Альпы на восток.
Вздымая на горбах орудья,
Везать под снегом, под дождем
На стоасянные обрывы...
«И все-таки ты прав, служивый,
Как показал — так и пойдем!»

С рассветом возвратившись в дом,
Где ждал Совет его, впервые
Он все отдал боевые
Велел достать себе. С трудом
Одел фельдмаршалский парадный
Мундир из тонкого сукна,
Мушкетер мундира — все награды,
Все звезды, ленты, ордена
За Ланкорону, Рыньки, Краков,
Фокшаны, Измаил и Брест,
Перо с алмазом за Очаков,
И за Кинбурн — алмазный крест.
Подул на орденские ленты,
Пылники с наканов стянул,
Потом, оправив шпалеты,
С усмешкой на ноги взглянул:
Не лучше своего солдата
Стоял он чуть не босиком —
Обривком прелого шагата
Подметка шита с переломом.
Еще спасибо — верный Прошка
Как только станешь на привал,
Глядишь — то плащ зашил немножко,
То сапоги поврочивал.
Жестки в Швейцарии дороги,
Но ним протыпав след,
Тут все себе побили ноги
И постарели на пять лет.
Для молодых пять лет — не годы.
Но для него, для старика...
И все же он не умрет, пока
Не кончит этого похода!
Российской армии доверье
Он не обманет никогда.
Стремительно открывши двери,
Он на Совет прошел. Тула
Уже сошлись господа
Полковники и генералы;
Его счастливая звезда
Их под знамена собирала.
Дерфельден, и Багратион,
И Трубинский... Но даже эти
Молчали, присмирели, как лети,
И ждали, что им скажет он.
Иным мерещилась уж слава...
Кругом обрывы, облака,
Ни пуха, ни ядер. Старика
В горах покинула удача,
Войска едва бредут, устав,
Фельдмаршал стар, а горы круты...
Но это все до той минуты,
Как он явился.
Увидав
Его упрямо скатый рот,
Его херсонский плащ в заплатах,
Его летящую вперед
Подоху старого солдата,
И волос его седые
И яростные, как гроза,
Пол-стариковские молодые
Двадцатилетние глаза...
Все понял — скорей без крова
Старик в чужой земле умрет,
Чем сменить на другое слово
Свое любимое — вперед!

За пять дней

ДНЕВНИК И. Д. ПАПАНИНА

Стоиточным тиражом, в отличном оформлении, выпущен издательством «Правда» дневник Героя Советского Союза И. Д. Папанина — «Жизнь на льдине».

800-летний юбилей НИЗАМИ ГАНДЖЕВИ

В Москву прибыли представители Азербайджанского филиала Академии наук СССР А. А. Якубов и М. Г. Рафили, которые привели предварительный план подготовки празднования 800-летия со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами Ганжелы. План рассматривался на заседании президиума Академии наук СССР.

Французские ученые солидарны с народом Чехословакии

«Юманите» публикует манифест французской интеллигенции, под которым подписались крупнейшие ученые, профессора и писатели, в том числе проф. Ланжевэн, Шанлон, Валлон, Коньо и другие. «Пример последних лет, — говорится в манифесте, — с трагической ясностью доказывает, что капитуляции не только не спасают мир, но лишь приближают катастрофу».

Низами Ганжеви — один из наиболее ярких представителей «золотого века» (XII век) в азербайджанской литературе. Имеются материалы, указывающие на близкую литературную связь Низами с великим грузинским поэтом Шота Руставели. Родина Низами — город Ганджа (ныне Кировабад). До сих пор сохранилась могила великого поэта.

ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРЫ О КОМСОМОЛЕ

В минском Доме Красной Армии им. К. Е. Ворошилова открылась выставка, посвященная ленинско-сталинскому комсомолу и советской молодежи.

ПЛАН ГОСЛИТИЗДАТА на 1939 год

Сегодня начинается сессия редакционного совета Гослитиздата в составе руководителей работников и редакторов издательства, редакторов выходящих при Гослитиздате литературно-художественных журналов, представителей литературно-общественных организаций и писателей. В повестке: конструирование редакционного совета и обсуждение тематического плана издательства на 1939 год.

400 ЛЕКЦИЙ И ВЕЧЕРОВ

400 лекций и вечеров, посвященных 30-летию ленинско-сталинского комсомола и XXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, организует Центральное лекционно-экскурсионное бюро Моссювета. Среди выступавших — поэты С. Кирсанов, Д. Алтаунов, А. Жаров, Е. Долматовский, С. Васильев.

НА КОНКУРСЕ ДИРИЖЕРОВ

Сегодня в Большом зале Консерватории — последний концерт третьего тура всеюлского конкурса дирижеров. Выступает лауреат Марк Паверман.

ПРЕМЬЕРЫ ТЕАТРА ИМ. ПУШКИНА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ленинградский государственный академический театр драмы им. Пушкина показал первую в этом сезоне премьеру — «Таланты и поклонники» А. Н. Островского в постановке засл. артиста В. П. Кожича. Роль Домны Пантелеевны исполнила народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская. Следующая премьера театра — пьеса В. Катаева «Шел солдат с Фронта» в постановке Л. С. Рудника.

НОВЫЙ ЭКСПОНАТ НА ВЫСТАВКЕ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

На выставке «Слово о полку Игореве», открытую в Государственном Литературном музее, на днях привез свою работу ученик 7-го класса 110-й школы Москвы Ростислав Крюков. Небольшая прекрасная иллюстрированная книжечка содержит текст «Слова».

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ В КЛУБЕ МОРЯКОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В ленинградском клубе моряков тепло прошла встреча А. С. Новикова-Прибоя с молодежью Балтийского пароходства. Вечер был организован полководцем пароходства А. С. Новикова-Прибоя прочел отрывки из нового романа «Капитан 1-го ранга».

Сомнение А. Лозовского в справедливости «теории» о том, что все новые переводы хороши, а все старые без исключения плохи, разделялось далеко не всеми выступавшими.

Совещание переводчиков в Гослитиздате

11 октября в Гослитиздате состоялось совещание переводчиков.

Сомнение А. Лозовского в справедливости «теории» о том, что все новые переводы хороши, а все старые без исключения плохи, разделялось далеко не всеми выступавшими.

С. И.

ЛИГА АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дженевьев Тэгард

Мои советским читателям наверно было бы интересно узнать побольше о Лиге американских писателей и ее деятельности в течение минувшего года.

Лига росла медленно, но теперь у нас есть отделения в Чикаго, Вашингтоне и Сан-Франциско. Один из пунктов программы Лиги — оказывать, особенно близким нам, молодым писателям помощь и поддержку.

Несколько месяцев назад Нью-Йоркская секция лиги опубликовала брошюру «Писатели делают выбор» — ответы 418 писателей на вопрос об их отношении к Франко и к республиканцам.

Она из важнейших задач лиги заключается в воспитании молодежи, еще не имеющих твердых убеждений, но даровитых и искренне желающих стать на верный путь литераторов.

Тропками усердно пытались сорвать работу второго конгресса писателей, состоявшегося в 1937 г. Эта жалкая кучка фашистских приспешников потерпела полное поражение после своего отказа подписаться под нашей резолюцией.

Во время происходивших в Москве процессах над троцкистско-бухаринскими шпионами и предателями американская интеллигенция выступила с обращением к передовым писателям, в котором призывала их «оказать поддержку Советскому Союзу в его стремлении освободиться от внутренней опасности предательства».

Из знаменитых писателей, являющихся членами лиги, мы назовем тех, кто знает советским читателям. Это — Ричард Райт, автор «Детей леди Томас», Гренивал Хьюс, который часто пишет для «Интернациональной литературы», Майкл Голд, Эрнест Хемингуэй, Винсент Шинн, Энтон Синклер, Джон Хуорд Луисон, Дороти Паркер — американская юмористка, недавно вернувшаяся из Испании, Клиффорд Одетт, написавший одноактную пьесу «В ожидании Лефти», столь популярную у рабочих аудиторий Америки и Англии, Ван Уик Брукс, историк и литературный критик, Эрскин Болдуэлл и Ленгстон Хьюс.

Лига часто подвергается нападкам со стороны темных литературных кругов.

Писатели — члены лиги — ведут неустанную борьбу с замышленными пропагандными борбю.

Два известных писателя, не-члены лиги, но находящиеся в сфере нашего влияния, опубликовали книги, которым мы придаем большое значение. Первая написана Томасом Манном, немцем изгнанным, лауреатом Нобелевской премии, и называется «Грядущая победа демократии». Она составлена из лекций, прочитанных Манном в мае этого года во время поездки по Америке.

Вторая книга, озаглавленная «Эмигранты», написана Дороти Томпсон. В настоящее время мисс Томпсон пользуется очень плохой репутацией у левых демократических кругов.

И вот они снова сидели втроем в библиотеке Эрнестина начала первая:

— Мистер Куэйль, дело это довольно неприятное, и я чувствую, что сообщать вам о нем должна женщина. У меня самой есть дети, и я знаю, какое это горе, когда с кем-нибудь из них случается неприятность.

— Что-нибудь случилось с одной из моих дочерей, миссис Джойс?

— У вас есть дочь в колледже, не правда ли? И, помните, мы рассказывали вам, как красные пробираются во все такие учреждения Америки.

— Что же она натворила?

— Прежде всего выяснилось, что она состоит членом местного Комитета национального студенческого союза.

Новый роман Эптона Синклера

Новый роман Э. Синклера «Little Steel» (Объединение «Малая сталь») печатается сейчас одновременно в нескольких органах революционной прессы США и Канады.

«Малая сталь» — это группа предприятий стальной промышленности, названных так в отличие от мощного объединения «Большая сталь», куда входят трест и множество связанных с ним заводов.

Престон борется всеми средствами против «красной опасности». Он считает, что объединение «Большая сталь» совершило недолгую ошибку, войдя в переговоры с профсоюзами.

Супруги Джойс должны были встретиться с руководителями Вальейвильской сталелитейной компании на следующий день.

Иными словами, мистер Куэйль, — вмешался Мэттью, — это та война, которая должна охватить все капиталистические страны и вызвать восстание рабочих во всех промышленных центрах и городах.

— И тогда, — добавила его жена, — куда длинноволосых и длинноухих идеалистов является в Университетский городок, они толпятся там, провозносят речи на перекрестках улиц, иногда даже в церквях и в залах союза христианской молодежи, и осуждают действия властей.

— Позвольте нам принять это не как деловое поручение, мистер Куэйль, — еще более задушевно сказала Эрнестина.

— Он понался, Тини; он — наша добыча. Не горюпись с выколами. Я не думаю, что он так прост, как вы думаете.

— Ты действительно так думаешь?

— Он сентиментален, когда это ему удобно. Но он следит за нами все время. Будь осторожен!

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

можно понять для того, чтобы они говорили все, что от них потребуют.

По предложению Престона, фирма распространяет свою деятельность на город Вальейвил, где видную роль играет миллионер Куэйль, владелец завода, входящего в объединение «Малая сталь».

Получком в решительным выступлением рабочих является убитый Александр Гордона, одного из деятелей Комитета производственных профсоюзов, приехавшего в Вальейвил для организации на месте Комитета рабочих стальной промышленности.

Пель их, якобы, борьба против войны и фашизма. Конечно, все против войны и фашизма. Но если выкинуть, то оказывается, что пропаганда их направлена против того, что они называют «капиталистической войной».

— Как вы сказали, миссис Джойс? Американский...

— Национальный студенческий союз. Пель их, якобы, борьба против войны и фашизма.

— Иными словами, мистер Куэйль, — вмешался Мэттью, — это та война, которая должна охватить все капиталистические страны и вызвать восстание рабочих во всех промышленных центрах и городах.

— И тогда, — добавила его жена, — куда длинноволосых и длинноухих идеалистов является в Университетский городок, они толпятся там, провозносят речи на перекрестках улиц, иногда даже в церквях и в залах союза христианской молодежи, и осуждают действия властей.

— Позвольте нам принять это не как деловое поручение, мистер Куэйль, — еще более задушевно сказала Эрнестина.

— Он понался, Тини; он — наша добыча. Не горюпись с выколами. Я не думаю, что он так прост, как вы думаете.

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

денности. Покорный Гордона превращается в мощную демонстрацию.

Нам неизвестен еще конец романа, печатающегося на номера в номер в пятидесятых выше газетах, но можно с уверенностью сказать, что Синклер в нем верен себе, — он вновь подчеркивает свои симпатии к делу борющегося рабочего класса и твердую уверенность в его победе.

Известный девять американский писатель Майкл Голд, сообщая месяц назад о предстоящем печатании нового романа Синклера в «Дейли уоркер», привнес факт появления романа на страницах рабочей печати. Голд напомнил о том, что начало писательской карьеры Синклера совпало с подъемом социалистической партии США.

— Как вы сказали, миссис Джойс? Американский...

— Национальный студенческий союз. Пель их, якобы, борьба против войны и фашизма.

— Иными словами, мистер Куэйль, — вмешался Мэттью, — это та война, которая должна охватить все капиталистические страны и вызвать восстание рабочих во всех промышленных центрах и городах.

— И тогда, — добавила его жена, — куда длинноволосых и длинноухих идеалистов является в Университетский городок, они толпятся там, провозносят речи на перекрестках улиц, иногда даже в церквях и в залах союза христианской молодежи, и осуждают действия властей.

— Позвольте нам принять это не как деловое поручение, мистер Куэйль, — еще более задушевно сказала Эрнестина.

— Он понался, Тини; он — наша добыча. Не горюпись с выколами. Я не думаю, что он так прост, как вы думаете.

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

— все деньги шут на коммунистическую пропаганду.

— Что еще? — Джойс перебрел свой бумажки.

— Выслушайте от меня немного устройте собрание преподавателей Бобби Берну — это известный красивый пастор, один из главарей союза для защиты гражданских свобод, он собирает средства для защиты красных, когда они попадают в котли закона.

— Все, за что мы беремся, мы делаем основательно. Разве у вас в Вальейвиле нет разветвленной организации?

— Действительно, кажется, Уотт, наш первый заместитель председателя и назначенный, уже несколько лет содержит какое-то агентское бюро. И не особенно интересно этим так, как считают это отвратительным. Я хотел бы, чтобы не делали таких вещей.

— Я понимаю вас, мистер Куэйль, это чувство делает вам честь. То, что мы сами узнали об обыкновенных сыских агентствах, так возмущительно, что мы никому не рекомендуем обращаться к ним. Но я делаю вам такое предложение частного образом, я не буду выдвигать его на совещание с вашими должностными лицами: предложите, что мы будем помогать вам в работе по общественному перевоспитанию в Вальейвиле. Тогда я назначу доверенных лиц, которые будут точно осматривать вас обоим, что торопится; вы сможете сравнить их доклады с теми, которые представляет ваше сыское агентство, и судить, обслуживают ли вас как следует, или нет.

— Боюсь, что это не выйдет, Джойс, — сказал старик, снова вытирая лоб. — Я недостаточно хорошо знаком со всеми подробностями, чтобы взять это на себя, и я считал бы неправильным действовать через голову руководителей, на которых я должен полагаться.

— Как вам угодно, мистер Куэйль. Я надеюсь, что вы не в претензии на меня за мое предложение.

— Нисколько, нисколько. Скажу вам откровенно, меня смущают признаки недовольства и протеста рабочих, которые я замечаю повсюду вокруг себя, — и я не чувствую себя способным справиться со всем этим. Знаете, Джойс, повидому нужна определенная твердость характера, чтобы стать статейным промышленником, сталь — это тугоплавкий материал. Дело это созданное моим делом — вы могли видеть его портрет, когда входили в холл, и заметить, что у него была та сила, которая требуется в нашем деле. Мой отец был умелым руководителем и твердо вел свою линию в промышленности. А я никогда не мог освободиться от чувства, что здесь я не на своем месте. Повидому, это началось двадцать лет назад, когда я увидел, как весь мир заколебался, а цена нашей продукции в вечеру возросла вдвое — я чувствовал, что это нехорошо, что так не может продолжаться, и я был потрясен необходимостью перемены наших взглядов на изготовление вооружения. Я говорю с вами откровенно, Джойс.

— Я пеню это, мистер Куэйль, и ваши чувства делают вам честь. — Мэтт затворил теперь глубоким грустным голосом. — Я надеюсь, вы не сочтете это только графитной деловой фразой, когда я скажу, что мой жених и мне доставит личное удовлетворение, если окажется, что наша фирма может помочь вам в этих вопросах.

— Позвольте нам принять это не как деловое поручение, мистер Куэйль, — еще более задушевно сказала Эрнестина.

— Он понался, Тини; он — наша добыча. Не горюпись с выколами. Я не думаю, что он так прост, как вы думаете.

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

— Ты действительно так думаешь?

Эрика и Клаус МАНН

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ В ИСПАНИИ

Мы читали, изучали, анализили очень много о героической борьбе Испанской республики с фашистскими интервентами. Мы создали себе воображаемую картину происходящего и считали ее соответствующей действительности, коль скоро она совпадала с доходящими до нас изо дня в день сведениями. Мы использовали для создания этой картины все краски, все оттенки, которые звали в нам со страниц газет, журналов, книг. Но как бледна оказалась эта живопись! Как неточна работа воображения! Оно не раскрыло пред нами всей правды ни о страданиях, ни о величии испанского народа.

Надо подышать воздухом этой страны, видеть ее людей, слышать их речь, побывать в их холмах, разделить с ними их скудную пищу, чтобы не только узнать, но и осознать, что они непобедимы. Они верят в великий смысл их борьбы; они умеют переносить страдания со стойкостью, заслуживающей предложения. Наконец, — и это их важнейшее оружие в борьбе с фашистской сворой, — они едины. Надо видеть их вместе — испанцев различных партий и убеждений, надо слышать, с каким восхищением молодой шофер-коммунист говорит о Негрине-социалисте; надо присутствовать на одной из масс, которую служат набовные баски, вымалывая у бога победу для своего республиканского отечества; надо пережить воздушные налеты, побывать на фронте, в госпиталях, в народных кухнях, — и тогда, только тогда становится ясно: эта война, от исхода которой зависит даже нечто большее, чем судьба одного народа, эта война не будет проиграна. С чувством волнующей радости убеждаешься, что пока в руках республиканцев останутся хоть один город, борьба будет продолжаться, что пока народная армия удерживает хотя бы один виноградник, хотя бы один холм, хотя бы одну оливковую рощицу, Франко не добьется победы, а потворствующие ему «цивилизированные» государства не перестанут убеждаться в том, что и в наше время еще не перевелись чудеса.

Мадрид, тот Мадрид, который сегодня живет, работает, сражается, существует, — это чудо. Мы обшлись квартирами, прилегающие к Университетскому городку, где происходили кровопролитные бои осенью 1936 года. Нет такого человека, как бы он ни был тут и нечувствителен к героизму этой борьбы народа за свою независимость, который, увидев эти развалины и узнав, что здесь был нанесен сокрушительный удар неизмеримо более сильному врагу, что враг этот уже ворвался было в город и теперь залет в казачьи-побиты 500 метрах от его ворот, готовый к прыжку, — и который, узнав все это, осмелится бы утверждать, что это не чудо.

На вершине холма, над рекой, стоит памятник. Мы целый час пробирались к нему по отвратительной пыльной дороге. Это скромная, но незабываемая могила. Еще издали мы видим огромный каменный кулак, протянувший к небу. Приблизившись, мы читаем надпись: «Товарищам по интернациональной бригаде, павшим смертью героев в боях за республику, — 18-я бригада. Февраль, 1937 г.» На небольшом деревце написано в подножье холма другая надпись: «Здесь покоятся 16-й батальон». Мы стоим с поникшими головами. Здесь пали семьсот молодых англичан — семьсот добровольцев. Они лежат здесь, в испанской земле, и над их братской могилкой высится скалящийся кулак, высеченный из камня.

На выставке творчества молодых художников в Академии Художеств (Ленинград). На снимке: дипломная работа слушателя Академии А. А. Гольдрей «Выступление Доррес».

Мы потрясены до глубины души бесчисленными картинами этой героической деятельности, разрываемыми перед нашими глазами. Все видное, пережитое запечатлелось навсегда в нашей памяти. Но впечатления еще слишком свежие, переживая еще слишком остро, детали событий грозилась одна на другую и не укладываются в рамки повествования.

Впервые услышав в Барселоне зловещий вой сквер, мы испугались. Нам обидно: над городом повисли вражеские бомбардировщики, фашисты вылетели на свой любимый промысел — на охоту за людьми. Прожеторы обшаривали почное небо в поисках хищных птиц. Раздались глухие удары зенитных орудий... Потом мы

узнали и другие звуки: шипенье и свист рассекающих воздух бомб, оглушительный грохот разрывающихся снарядов, глухой гул обрушивающихся где-то по соседству домов... Вызывает ли это ланку среди беседы? На мгновение. Теперь стало ясно всем, что бесчестные налеты озверелого фашизма на пущенные города не только не сломили и не ослабили сопротивление республиканцев, но даже закалили их дух. Конечно, во многих местах, где особенно долго и упорно сражались фашистские варвары, все безвозвратно сметли.

Мертвой тишиной встретила нас Тортоза, превращенная в груду развалин, но и их упорно отстаивают республиканские бойцы. В Тортозе не осталось камня на камне: такова судьба города, которого коснулась безжалостная рука фашизма. И когда в одну незабываемую ночь мы бродили по улочкам этого призрачного городка, мы сказали себе: да, Франко и его фашистские вдохновители готовы поступить точно так же со всей Испанией, если она не пожелает отделиться в их руки.

Много мелких городов разрушено до основания. Но тем сильнее и оживленней берется пульс крупных центров. Наибольшей березности и деловитости достигает жизнь Барселонцы, резиденции правительства, на волнющей беженцами. Наибольшей потерей отличается жизнь Валенсии, которая, несмотря на нависшую над ней угрозу, сохранила в значительной мере свою чистую жизнерадостность и обаяние. Печать мужественной суровости и высоко го пафоса отмечена жизнь Мадрида — этого города, показавшего пример величайшего героизма.

Неисчислимы страдания Испании. Но, пожалуй, лишения, нужда, нищета еще страшней, чем смертельная опасность. Но народ терпеливо выносит все, и если понадобится, сможет еще долго пережить. Конечно, поплаывают усталые, озлобленные, разочарованные — таких людей встретишь и мы. Но они в огромном большинстве, это вне всякого сомнения. Если бы было иначе, длящееся уже два года чудогероическое сопротивление испанского народа — было бы просто немислимо.

Жизнь в республиканской Испании ста-

ла внешне беднее, но зато внутренне богаче, содержательней. Там сейчас чертовски много работает, и работают не только для войны. В разгар войны так делается дело величайшего культурного значения.

Возьмем хотя бы такой пример: как республиканцы заботятся о спасении и сохранении сокровищ искусства, находящихся под угрозой бомбардировок в музеях, монастырях и частных домах. В отношении произведений искусства проявляются величайшая заботливость, принимаются все меры для их сохранения, их каталогизируют и частично реставрируют. В Мадриде, в поврежденных фашистскими бомбами музеи Прадо и Национальной библиотеке, мы видели сокровища, которым нет цены. Как известно, в последнее время открыты даже новые, ранее неизвестные шедевры, принадлежавшие, например, кисти Эль-Греко.

Республиканцы объявили борьбу с неграмотностью, которая так еще распространена в Испании. В военных школах, выпускающих офицеров, мы разговаривали с юношами, которые всего полгода назад еще не умели читать. Теперь они получают не только военное, но и общее образование. Люди, стоящие во главе республиканского правительства, озабочены некими «педагогическими» честолюбием. Кто знает возможность познакомиться с таким человеком, как Альварес дель Вайо — министр иностранных дел, тот, конечно, понял, что перед ним не только полный решимости политический деятель, но и человек большой культуры, подлинный интеллигент. Правительство поощряет писателей, лучшие из которых горячо зашипают дело республиканцев. Интеллектуальная жизнь республиканской Испании не только не замерла, но переживает большой подъем. Нам пришлось иметь дело с редакторскими беллетристическими журналами, например, с редакцией замечательного журнала «Hora de Espana». Мы встречались с молодыми поэтами, работающими над песнями для фронта; мы познакомимся с Рафаэлем Альберти — любимым писателем испанской молодежи. В республиканской Испании жадно и проникновенно читают. Народ понял, что для того, чтобы выиграть войну, нужны не только выстрелы и самолеты, но также идейная целеустремленность и вына-

ПРОЩАНИЕ С ЛЮБИМОЙ

О «Четырех сонетах» С. Кирсанова

«Четыре сонета» С. Кирсанова, напечатанные в шестой книге «Нового мира»...

Богдан Мажковский, Кирсанов счел себя временно исполняющим обязанности главного редактора эскадрильи советской поэзии.

Его книга «Слово предоставляется Кирсанову» (1930 г.) носила по существу характер демонстрации против Маяковского...

Прощание с любимой. Последними своими стихами Кирсанов ближе подошел к Маяковскому...

В новую свою поэзию Кирсанов принес хорошо тренированный стих и ремесленное знание слова...

Последние стихи Кирсанова написаны «простейшими словами» человеческого языка.

«Четыре сонета» развивают тему, начатую в «Твоей поэме»: прощание с любимой.

Видеомонтаж. Порвалась какая-то неуловимая, но органическая связь между двумя категориями.

Василий Шуйский... О нем писали Пушкин, А. К. Толстой, Островский.

Тем не менее я утверждаю, что Василий Шуйский, в том разрезе, в каком он показан в «Рыцаре Иоанне»...

Кто другой на месте Шуйского вывалил бы на распродажу старые свои шубы?

Вспомним далее Бориса Годунова. Умертвив пареня Дмитрия, ослепив, как говорят, другого претендента...

Захватив власть, Шуйский не стал дожидаться, пока патриарх всея Руси благоволит помазать его на царство.

Василий Шуйский — это олицетворение грязного торгашеского аморализма.

Любопытно, что несмотря на всю полноту Шуйского, даже враги не принимали его всерьез.

Вот Марсель Пруст открыл четвертый: когда блестящий парижанин Сван начинает стариться, он становится смешноват.

В Радиокomitee прикладывает тысячи писем от слушателей. Ни одно такое письмо не остается без ответа.

Пришло, например, письмо из Загорска? «Посылаю вам мою благодарности за литературную передачу».

«Благодарим вас за отзыв о передаче «Песни про купца Калашникова».

Пришло другое письмо — из Энгельса, из поселка «Завот Ильича».

«Понравилось произведение советского композитора Крейнера».

«Благодарим вас за хороший отзыв о наших передачах Просим в дальнейшем так же подробно писать свои отзывы».

Воспользуемся одной из многих трафареток, изготовленных в Радиокomitee для ответов:

«Уважаемые товарищи из Радиокomitee! Благодарим за ответы Жем следующих по обстоятельных и правильных отзывов. Привет. Подпись».

ТРИ ГОДА

Вит. ВАСИЛЕВСКИЙ

О книге Мих. Зощенко «1935 — 1937»

Полковник Мингренский полка Калугин был задержан красноармейцами и препровожден в штаб.

«Мы хотели бы, полковник, уважить вашу последнюю просьбу. Если вы найдете нужным, мы передадим вашей любимой женщине то, что вы захотите».

«Никакой женщины нет... Это была моя выдумка, чтобы вас провести... Не удалось — не надо. Я готов умереть».

Этот эпизод занимает очень небольшое место в замечательном рассказе Мих. Зощенко «Возмездие».

Прокрутор трибунала готов был уважить в своем враге силу любви.

«Я полагаю, что этот рассказ очень характерен для последнего этапа литературной работы Мих. Зощенко».

Некоторые писатели любят «усложнять» принятии своего творчества.

Предельно откровенно Зощенко говорит о своих намерениях.

дивное, реалистическое изображение действительности, а это есть, кроме того, еще воля автора, неустремленность автора...

Все. Как просто, понятно, может быть, даже элементарно.

Установилась легенда, что герои произведений Зощенко — обыватели, мелкие, ничтожные люди.

Мы можем отыскать в рассказах приметы их рассказчика.

Вот почему в рассказах Зощенко так много диалогичности.

И рассказчик этот не стоит на тротуаре, в стороне от жизни.

«И, право, не повернется язык спросить этого хорошего человека: гражданин, вы положительный или отрицательный тип?»

«Конечно, я не знаю» — радостно сообщают нам рассказчик.

«Я только факт опишу и добавлю, что это был довольно плотный рыжеватый мужчина».

И сколько людей «с гнилыми душами»!

Интересно, какая у вас будет роль в третьем акте? — В тринадцатом варианте пьесы была непохожая, но я боюсь за себя, автор пишет четырнадцатый вариант.

Литературная газета

№ 57

«ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ»

Обсуждение романа Л. Соловьева в Московском Клубе писателей

Сегодня прозаиков Союза советских писателей посвятила свой первый декадник издательство романа Л. Соловьева «Высокое давление». Вечер открылся в Московском Клубе писателей К. Феликс, сообщивший о задачах секции и предстоящей ей работе.

Роман Л. Соловьева, пользующийся успехом у читателей и вниманием критиков, получил разностороннюю оценку в печати. На обсуждение его пришло много писателей, критиков и читателей.

В чем успех романа Л. Соловьева? Вот основной вопрос, который ставили все выступавшие, и каждый по-своему старался на него ответить. На одном соглались все выступавшие: автор талантлив, мастерски выдает сюжет, язык его прост и выразителен.

Некоторые из выступавших (к ним относятся В. Филл и отчасти М. Левидов) — считались бы видеть в мастерском сюжете и хорошем языке единственные достоинства повествования, по их мнению, романа М. Левидов подчеркнул, что «Высокое давление» ничем не обогатил духовный мир читателя, не раскрывает новых горизонтов, не учит видеть жизнь по-новому. Герой романа Михаил Озеров, по мнению М. Левидова, симпатичный парень, но он глуповат, его проблемы и тревоги, весь мир его событий — лишь мелкие происшествия, не способные волновать читателя, который ищет в герое новые качества советского человека.

А. Гурвич прочитал вместо речи свою большую, подготовленную к печати статью «Ложная тревога». Статья, написанная в форме письма героя к его «наставнику» — автору романа и критику О. Вейтлинскому, защищает от нас обывательского человека — Михаила Озерова, которому пытаются приписать черты и свойства человека более сложного. Слишком строга к своему герою, автор и критик считают фальшивостью и вздором темперамент и горячность, собственные молодости.

Автор статьи протестует против искусственного и произвольного толкования поведения Озерова, этим толкованием Л. Соловьев и О. Вейтлинский хотят приписать роману непростую ему «многозначительность».

Если отбросить авторские комментарии, оставив только поступки героя, — перед читателем останется обывательский, заурядный молодой человек.

А. Гурвич упрекает Соловьева, что он подменяет конфликт недоразумением, борьбу — преодолением нарочитых, несуществующих препятствий, чтобы в конце невероятными чудесами техники привести роман к развязке.

Автор статьи протестует против искусственного и произвольного толкования поведения Озерова, этим толкованием Л. Соловьев и О. Вейтлинский хотят приписать роману непростую ему «многозначительность».

Если отбросить авторские комментарии, оставив только поступки героя, — перед читателем останется обывательский, заурядный молодой человек.

А. Гурвич упрекает Соловьева, что он подменяет конфликт недоразумением, борьбу — преодолением нарочитых, несуществующих препятствий, чтобы в конце невероятными чудесами техники привести роман к развязке.

Автор статьи протестует против искусственного и произвольного толкования поведения Озерова, этим толкованием Л. Соловьев и О. Вейтлинский хотят приписать роману непростую ему «многозначительность».

Если отбросить авторские комментарии, оставив только поступки героя, — перед читателем останется обывательский, заурядный молодой человек.

А. Гурвич упрекает Соловьева, что он подменяет конфликт недоразумением, борьбу — преодолением нарочитых, несуществующих препятствий, чтобы в конце невероятными чудесами техники привести роман к развязке.

ПИСЬМО ИЗ ИЖЕВСКА

Я вышла из двухэтажного каменного дома, где под сенью Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры примостились союз писателей, и миновала два квартала, вошла в центральный книжный магазин города Ижевска. Услуживший продал мне художественную литературу разложил передо мной на прилавке всю продукцию Удмуртского госиздата.

Я купила все, что было мне предложено, — переводы на удмуртский язык избранных вещей классиков русской и мировой литературы и оригинальные произведения удмуртских писателей. Проплевет выписать чек, и мой портфель легко вместила в себя всю наличную удмуртскую литературу. Оригинальная обошлась мне в 50 коп., переводная — около 4 руб.

«Надо растить удмуртскую литературу» — слышала я в обиходе ВКП(б), в наставлениях в удмуртском союзе писателей. Но чтобы выросла литература, мало объявить конкурсы и организационно укрепить ССП. Нужно оживить атмосферу, в которой этой литературе предстоит расти.

Если раньше атмосферу отражала вредительская деятельность буржуазных националистов, то и сейчас ее нельзя признавать вполне адекватной.

Плохо поставлен в научно-исследовательском институте работа по сбору фольклора. Материал записывается без серьезного научного подхода. Часто под видом народной песни попадают в запись плоды индивидуального творчества удмуртских поэтов. При записи не фиксируются особенности местного говора или наречия. До сих пор разработано и опубликовано не больше одного процента из всего собранного материала.

Русский язык в Удмуртии широко распространен. Даже в отдаленных районах все грамотное мужское население понимает русский. А в городах каждый образованный удмурт прекрасно владеет русским языком.

Это предопределяет характер переводных изданий: на удмуртский переводится главным образом книга «для начинающего читателя». Тоненькими брошюрами выпускаются рассказы Королёву (он очень популярен в Удмуртии вследствие своего вмешательства в пресловутое Мултанское дело), Чехова, проза Пушкина, Гоголя, кое-что из классиков мировой литературы (Диккенс, Дефо, Байбэк — в сокращенном и «обработке», причем переводы обычно делаются не с подлинника, а с русского перевода).

Ни один из удмуртских писателей не уклоняется от работы по переводу. Все же с переводческими кадрами в Удмуртском госиздате не совсем благополучно. Профессионалы-переводчики не специализируются на художественной литературе. Основная работа для них — переводы научных, технических, политических. Проблемы художественного перевода разрешаются опытно. Не налажены нормальные взаимоотношения переводчика и редактора.

Перед переводчиком постоянно встает сложнейшая лингвистическая задача: удмуртский синтаксис, научно почти не разработанный, не устанавливает еще и лексика — переводчик сам должен создавать удмуртскую литературную традицию, узаконивая в книжном языке тот или иной «провинциализм».

Словарей нет — ни русско-удмуртского, ни удмуртско-русского.

Очень печально обстоит дело с переводами с удмуртского на русский. Они почти не предусмотрены планом Удмуртского госиздата. А скромный удмуртский альманах в 10 печатных листов, стоявший в плане нашего Гослитиздата, передвинут к 1939 году на 1940-й. До настоящего времени удмуртская литература (в том числе и фольклорная) совсем на русском языке не издавалась. Удмуртские писатели чувствуют себя на отшибе. Издание удмуртского альманаха в Москве — дело большой общественной важности. Оно представляло бы немалый интерес для русского читателя.

НАДЕЖДА ВОЛЬПИНА

БЕЗ РУКОВОДСТВА

(От нашего специального корреспондента)

В центре Свердловска, на Пушкинской улице, помещается Дом литературы и искусства. Это великолепно оборудованное здание, которым могут гордиться свердловские работники искусства. Здесь каждый день записываются писатели. Здесь постоянная экспозиция уполномоченного Союза советских писателей по Свердловской области.

Выходите в дом. Сразу же возникает мысль: какое прекрасное место для творческих вечеров, для встреч с читателями, для встреч писателей, художников, музыкантов и актеров! Но увы. Дом живет тусклой, неинтересной жизнью. К такому выводу приходят не только собственные наблюдения. Об этом в один голос говорят сами писатели.

В областном издательстве вышли интересные книги: первый номер альманаха «Уральский современник», книжка стихов К. Муралиди — «Отчина», выходящий второй номер альманаха. За последние год-полтора появились новые имена — К. Муралиди, П. Бажов — автор великолепных сказов, В. Михайлов и другие. Есть талантливые люди, интересные произведения. Но писатели Свердловска не могут припомнить ни одного случая, когда бы в Доме литературы и искусства происходило обсуждение любой книги, собрания писателей для творческой беседы. Формально существуют секции поэтов и прозаиков. Но чем занимаются эти секции, никому неизвестно, в том числе и их руководителям — Н. Куштуру и В. Гранину.

Отсутствие творческой атмосферы в Доме особенно остро ощущают молодые писатели. Мы разговоривались с поэтами Константином Муралиди и Вячеславом Зандаровым. Оба они вступают в литературу и ни в какой мере не считают себя профессионалами-писателями. Один — журналист и работает в железнодорожной газете «Спутник», другой — студент Геологического института. Муралиди выпустил в этом году свой первый сборник стихов. В сборнике всего лишь 13 стихотворений, и не все они удачны. Но лучшие стихи отмечены печатью таланта. В них много свежести, своеобразия.

Имеет ли Муралиди право на внимание литературной общественности? Несомненно. Однако единственным серьезным критиком Муралиди оказался его друг Зандаров. Нельзя считать серьезной редкостью безвзвешенную рецензию о книге, которая появилась после долгого молчания в комсомольской газете «На смену». Такая рецензия способна вызвать лишь досаду.

Уполномоченный Союза писателей А. Савчук не скучился на похвалы Муралиди. Из его слов можно вывести заключение, что он, безусловно, и воспел этого поэта. Но факты показывают иное. Муралиди работал почти без всякой помощи со стороны

старших товарищей. Поэтому неудивительно, что в книге встречается неуклюжие обороты речи, вычурные строки, подчас просто неудачные стихи.

Аналогичная история повторилась с В. Зандаровым. Этот способный поэт помещен в альманах «Уральский современник» неудачное стихотворение «Василий Баранов». Сейчас все согласны с тем, что стихотворение его неуместно. Но в свое время Зандарову не помогли отобрать для альманаха более интересные стихотворения.

Много говорит в писательской среде о том, что поэт Инк. Куштур, вынужденный уже не одну книгу стихов, много работает, и остановился в своем творческом росте. Но зачем же об этом говорить, создавая вокруг поэта нездоровую атмосферу слухов, сплетен? Не лучше ли организовать обсуждение новых стихов Куштура с привлечением читательского актива. Пусть, при условии, что себе режиссер, по справедливому товарищескому совету.

Среди писателей нет заинтересованности в судьбе товарища. Люди часто не знают, кто с ними рядом печатается в альманахе. Впрочем и сам Зандаров лишь понаслышке знает, над кем работает И. Панов или А. Бондин. А ведь был в курсе творческой жизни писателей — прямая обязанность уполномоченного Союза.

Когда просматриваешь содержание первого номера «Уральского современника», останавливает внимание один, весьма характерный факт: за исключением З. Геронова все авторы альманаха — свердловцы. Чем это объяснить? Быть может, в районах области нет литературно одаренных людей и поэтому нечего печатать? Нет, неверно. Стоит только поехать по району, или даже просто проехать комлексы некоторых районных газет, чтобы обнаружить целый ряд способных товарищей, с которыми нужно работать. Например, в Нижнем Тагиле живут 20-летний прозаик Иванченко, поэт Замытин, постоянно печатающийся свои стихи в газете, очеркист Гапеев, по профессии бухгалтер.

Уполномоченный Союза писателей не знает этих людей, потому что не был в Тагиле, как не был и в других районах области.

Ежедневно в Дом литературы и искусства, в областное издательство, в редакции областных газет прибывает рукописи — стихи, рассказы, очерки. Среди этих рукописей имеются вещи, заслуживающие на себе внимание. Редактор издательства т. Облонский показывал нам обложку повести колхозника Носкова «Тая Запольская». Носков еще не совсем грамотный человек. Ему нужно много и упорно учиться языку. Но в повести есть поразительные по

своей тонкой наблюдательности места. Чувствуется, что в данном случае желая отстраниться от стилистического вопроса: «Ваше рукопись не подходить. Нужно подправить, чтобы достигнуть связи с автором, помочь ему. Но этого, как правило, не делается. Стандартные ответы: «зато вы всем без исключения рукописи». При такой системе работы такие люди, как Носков, естественно, остаются без помощи.

Мы ознакомились с тематическим планом сектора художественной литературы областного издательства. Запланировано к изданию несколько новых произведений: роман о Я. М. Свердлове Ю. Замытине, сказки П. Бажова, «Муталь» — книга о пограничниках молодого писателя К. Кириллова, новая роман Алексея Бондина, сборник рассказов В. Старинова.

Но все эти произведения, указанные в плане, реальны? А. Бондин прямо заявляет, что закончит свой новый роман не раньше конца 1939 года, а издательство спешит включить его в план. Романы Замытина и Кириллова еще неизвестным издательству, известным лишь отдельные главы, «как будто интересные», как заявил редактор Облонский. Издательство должно быть в курсе творческой работы писателей, прилагать к ней внимание всей литературной общественности, быть может, обсудить уже написанные главы среди работников Уралмаша, среди бойцов и комсодов, среди бывших участников полковой работы на Урале, которые лично знали Я. М. Свердлова. Но издательство предпочитает ждать сложа руки, пока романы сами лягут на столе редактора. Поэтому и трудно поверить в реальность тематических планов.

Редактор детской литературы в издательстве работает т. Родженковская. Это живой, инициативный человек. Она пользуется авторитетом среди писателей. О ней с теплотой отзываются авторы, книги которых она редактировала, например А. Бондин, Д. Казанцев и другие. Но в издательстве с некоторых пор не вальдики Родженковскую. Причину этого обнаруживать трудно. Родженковская осмелилась в свое время выступить со статьей в «Известиях», в которой подвергла резкой критике край. Ведущую хаттуру, выходящую издательством. На общем собрании работников издательства статья была признана правильной. Поток культуры прекратился. Но директор издательства т. Гушин не любит критику. Родженковская создала такие условия работы, что она вынуждена уйти. Писатели протестуют против этого, однако Гушин не прислушивается к голосу общественной. Для него гораздо важнее тихая семейная обстановка в издательстве, когда не выносятся сор из избы.

М. МИЛЛЕР

Литературоведение в плане Гослитиздата

9 октября под председательством т. А. Лозовского состоялось совещание руководителей работников Гослитиздата с критиками и литературоведами Москвы. Совещание было посвящено обсуждению проекта литературоведческого раздела плана Гослитиздата на 1939 год. Основное содержание плана изложил т. Шергина.

В будущем году Гослитиздат намерен выпустить (по московскому отделению) 34 книги по литературоведению и 16 — по критике. Намечено издать следующие монографические работы о русских классиках: «М. Ю. Лермонтов» (биография) — проф. Бродского, «Лермонтов в жизни» — И. Ариповича, «Лермонтов в жизни» — И. Ариповича, «В. Васильевский» — Лебедева-Поллокова, «Белыйский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм» — Лавренко, «Жизнь Чернышевского» — Новица, «Пушкин и декабристы» — проф. Неудачина, «Творчество Гончарова» — Рыбко, «Глеб Успенский» — Глинки-Волжская и «Творчество Лескова» — Друтова.

Из обзорных работ решено выпустить книгу проф. Тимофеева по истории русской литературы XVIII века, труд Института мировой литературы И. М. Горького «Французская революция 1789 года и мировая литература» и «Классики западноевропейской литературы» — Дунаевского.

Пять книг посвящены трудам Горького и Горького. Это — лекция по истории литературы в школе на Каппи, литературно-

критические статьи (собранные Брейтбургом), работа Еримова о Горьком, а также «Летний жизни и творчества Горького» и «Из переписки Горького с писателями» — книги, подготовленные Институтом мировой литературы им. Горького.

По разделу «Критика» запланировано издание монографий: Гурвича — «Александр Фадеев», Гурвичефера — «Творчество Шолохова», Коробейникова — «Первый народ» (Джабул и Сулейман Стальский), Перлова — «Владимир Маяковский» и Перлова — «Яблонь и творчество Серафимовича». В план также включены обзорные и проблемные работы: «Советский патриотизм и художественная литература» — Гурвичефера, «Очерки по истории советской литературы» — Зелинского, «Тема гражданской войны в советской литературе» — Института мировой литературы им. Горького, «Мастера культуры» (современная западноевропейская литература) — Анисимова и «Литература народного фронта Испании» — Габинского.

При обсуждении проекта плана была отмечена крайняя скудость теоретического раздела плана. В проекте нет также трудов по истории драматургии, по истории русской литературы XIX века, по языковедению. Очень слабо представлены работы об иностранных классиках и современных антифашистских писателях. Из плана выпала монография о таких писателях, как Лев Толстой и Тургенев.

Тов. Дерман заявил, что в плане совершенно не отражены чеховские юбилейные даты 1939 и 1940 гг. Тов. Ильянский обратил внимание на отсутствие в плане книги о Валерии Брюсове, между тем в будущем году исполняется 15 лет со дня смерти этого замечательного поэта. Тов. Нович подчеркнул, что необходимо усилить выпуск популярных литературоведческих книг по т. Бураевскому — прекрасной работе М. Кольцова о Горьком. Наиболее яркие книги наших литературоведов и критиков надо переиздавать.

Одним из центральных моментов прений явился вопрос о комментариях. Проф. Бродский находит накладки на комментарии несправедливыми. Конечно, академическая абракадабра вроде «сказал он» — естественна у автора: «сказал он» — никому не нужна. Но против подробнейшего комментария, разясняющего читателю многие факты, имена, события, исторические и бытовые детали, возражать не приходится.

Интересные факты, иллюстрирующие комментарии издательства и уроста, привел т. Лозовский. Один из томов академического издания Пушкина состоял из 7 печатных листов оригинального текста и 34 листов комментариев.

Предложение критиков и литературоведов было учтено при окончательном оформлении и реализации плана, заявил в своем заключительном слове тов. Лозовский.

СЛУЧАЙНЫЕ ТЕМЫ

О плане издательства «Искусство»

Впервые за все время своего существования издательство «Искусство» провело открытое обсуждение тематического плана издательства сектора.

В обсуждении приняли участие московские критики и театроведы. Можно лишь пожалеть, что не были приглашены работники театра, актеры и режиссеры.

Издательство упреляло главным образом в том, что план не отражает основных проблем жизни советского театра и драматургии. Исторические темы в плане подпораны случайно.

Заведующий театральным сектором т. Богданов признал, что на 75 проц. план составлен по «самостоятельным» заявлениям авторов. Только 25 проц. плана осуществляется по темам, выдвинутым редакцией сектора. Однако некоторые авторские заявки, не включенные в план, значительно многих из тех, которые приняты издательством.

На совещании задавалось много недурных вопросов. Почему редакция сектора отказалась от издания интереснейшего архаика Л. Сулейманова, замечательного соратника К. С. Станиславского, друга Толстого и Чехова, и наметила к выпуску роман-комедию Данилова «Русский театр в художественной литературе»? Почему в плане нет ни одной работы о драматургии Лермонтова, Чехова, Толстого, а вместо этого издается исследование в 14 авторских листов о драматургии символизма? Почему театральный сектор заинтересовался только историческими хрониками Островского, почти не встречающимися в репертуаре советских театров, и совсем не касается

остального творчества великого русского драматурга?

Читатель-театралу хорошо известны книги Н. Петрова, не первый год «знамающегося» режиссуры. Зачем к его скудным книжкам прибавлять еще одну — «Путь режиссера»?

Следует отметить, что в представленном на обсуждение плане имеются и весьма интересные работы. Это, бесспорно, первый том «Истории русского театрального быта» Л. Я. Гуревича, «Дневники и письма» А. Южина-Сумбатова, «Записки художника В. А. Симона», «Работа над словом» А. Закулицына, «Художественные дневники артиста К. С. Станиславского», «Режиссерская партия спектакля «Враги» в МХАТ» В. И. Немировича-Данченко и «Драматургия Горького» Ю. Юзвского.

План на 1939 год будет совершенно неудовлетворительным, если редакция театрального сектора не сумеет привлечь авторов к созданию книг на самые острые, злободневные темы жизни советского театра и драматургии. Характерно, что единственное из такого рода изданий, намеченное к выпуску еще в 1938 году, — сборник «Формализм в советском театре» — фактически сорвано.

Издательство «Искусство» намечает в будущем году выпустить два тома полного собрания сочинений К. С. Станиславского. К сожалению, по нашим сведениям, сектор до сих пор неизвестно, что именно войдет в эти два тома и кто их будет редактировать.

А. НОВ

Как был убит Лермонтов

Лермонтов убит. Мартынов арестован. По делу о дуэли в Пятигорске начинается следствие. И в это же время, опережая следователей, Мартынов и секунданты — князь Васильчиков и барон Глебов — ведут «подпольную» переписку.

«Теперь покажем, — пишут Мартынову секунданты, — не упоминаю о условиях трех выстрелов; если позже будет о том именно вопрос, тогда сделать нечего: надо будет сказать всю правду».

О каких трех выстрелах идет речь и почему так тщательно нужно скрывать правду?

Участники дуэли сразу же в один голос затворились о «случайной» дуэли, в которой пришла будто бы малая ссора Мартынова с Лермонтовым на вечеру у Верзилиных. Эта официальная версия рухнула бы, как карточный домик, если бы обнаружилось кровавые условия дуэли: право стрелять до трех раз.

Мартынов ничего не сказал об этих условиях ни следственной комиссии, ни суду. Только в первых черновиках показаний, которые он готовил, взвешивая каждую строчку, сохранилось единственное его упоминание о трех выстрелах.

Донные не расшифрованы загадочное место в записке, которую послал Мартынов с гаушвахты Глебову:

«Вестия стриптиш пытал меня, не проболтаю ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем».

Чем мог интересоваться стриптиш? Очевидно, юридической стороной дела, условиями дуэли. Закон квалифицировал дуэль и определял наказания за ее участие в прямой зависимости от результатов поединка, а, стало быть, и от тяжести его условий. Не эти ли именно и интересовался «вестия стриптиш»? Но Мартынов не проболтался.

Об условиях дуэли формально ставили «вопросные пункты» Мартынову и следственная комиссия и пятигорский оружейный суд.

Е. ЯКОВКИНА, А. НОВИКОВ

«...В каком часу, на каком расстоянии между собой стрелялись? Какое было между вами условие?» (вопросник комиссии). «...Ваши ли был размер барьера или же секунданты, и по вашему ли обоим с Лермонтовым согласно было назначено это расстояние для выстрела?» (вопросник суда).

С официальных ответов Мартынова на эти вопросы начинаются и путаница, и ложь.

В судебном деле нет даже намека на три выстрела. В этом случае подсудимые умоляют. В других — давали неверные, «смягчающие» сведения. И Мартынов, и секунданты дружно показали, что барьер для противников равнялся 15 шагам. Но тринадцатый лет спустя Васильчиков проговорился: «Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов, последний барьер поставили на десяти, и развели противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на десять шагов по команде: марш!».

Делается все, чтобы укрепить в общественном мнении версию о «случайной» ссоре. И через тридцать лет тот же Васильчиков снова упрямо повторяет: «Мы... были убеждены, что дуэль кончится путем выстрелами и что, обменявшись для соблюдения чести, двумя пулями, противники подат себе руки и поедут... уехать».

Этот ходячий и поныне вариант стал «документальным» без помощи услужливых следователей и суда. Поставив Мартынову «вопросные пункты» об условиях поединка, они сознательно не возвращались более к этому вопросу. Не такой ли наказ привез в Пятигорск слепой командированный для участия в следствии жандармский офицер? Не потому ли утомленный, наконец, и не в меру любознательный стриптиш? Судьи и подсудимые обменялись в общем стремлении тщательно скрывать истину о лермонтовской дуэли.

Ведь были же попытки властей — почти анекдотические — скрыть от общества даже самый факт дуэли. Одно из первых официальных извещений о смерти поэта гласило: «15 июля, около 5 часов вечера разразилась ужасная буря с громом и молнией. В это самое время между горами Машуком и Беншук скончался лежачий в Пятигорске М. Ю. Лермонтов».

«Стреляться до трех раз с барьера в десять шагов... Кто продиктовал эти условия? Несомненно Мартынов. Все источники сходятся на том, что он считался оскорбленным. Быть может, такая дуэль была «спорной»?

Проведем небольшой экскурс в дуэльное «право», в дуэльные кодексы.

В 1836 году граф Шатовильер, член парижского жюкей-клуба, тонкий знаток дуэльных обычаев, издал, по поручению клуба, сводный дуэльный кодекс. Под этой «книжкой чести» поставил свои имена около ста представителей аристократической Франции.

Кодекс быстро распространился по всей Европе. Все последующие «теоретичекие» дуэльные дел свято хранили заветы Шатовильера. Его кодекс хорошо знали в России. По странному совпадению, члены французского посольства в Петербурге так или иначе участвовали в дуэлях — роковыми для русской литературы. Кодексом Шатовильера, возможно, уже руководствовались пунктуальный виконт д'Арнаш — секундант в поединке Пушкина с Дантесом. Этот кодекс фигурировал, конечно, в первой дуэли Лермонтова с сыном французского посла — де-Барантом. Кодекс бесспорно знали в 1841 г. гвардейские офицеры — Столыпин, Глебов, Мартынов. Не мог не знать его и Васильчиков.

Дуэльные кодексы различают в делах «чести» права оскорбителя и оскорбленного. Они предоставляют потерпевшему, в зависимости от тяжести обиды, выбор типа дуэли, оружия и прочих условий. Кодексы допускают шесть различных видов дуэли на пистолетах. Поиндик Лермонтова с Мартыновым воспроизводит условия, которые «рекомендуются» кодексом при так

называемой дуэли «с движением вперед». Но «нормальной» всегда считалась в практике дуэль, в которой каждому противнику предоставлялось право на один выстрел. Только в самых крайних случаях, при самом тяжком оскорблении допускался бой до невозможности продолжать его одному из противников, или бой до смерти, или заранее определенное число повторных выстрелов. Их не может быть в последнем случае, более трех для каждой стороны, и то лишь с обязательной санкции секундантов.

Кто поверит, что в лермонтовской дуэли противники выбрали, а секунданты санкционировали такую кровавую дуэль из-за шутливых слов поэта, давно привычных для Мартынова и звучавших уже много раз в той же гостинице Верзилиных?

Трагический исход для Лермонтова был предопределен. На первой дуэли с де-Барантом поэт сознательно выстрелил в сторону. Лермонтов вовсе не собирался стрелять в Мартынова. По словам самого Васильчикова, «Лермонтов остался непоколебим и, взведя курок, пощипал пистолет дулом вверх».

Мартынов, со слов Н. П. Раевского, рассказывает, что «когда пришлось обмякнуть тело, шпортек непоколебимо было снят, держа пистолет, так и остался».

Мартынов вел себя иначе. Как рассказывает Васильчиков, «Мартынов быстрыми шагами пошел к барьеру и выстрелил».

Он знал, что делал, и был уверен! Мартынов вел себя после дуэли, как злодей и расчетливый убийца. Сразу же после убийства поэта он, по собственному показанию, «спонделовал его и тотчас же отпрянул домой». Позднее, как свидетельствует Б. Карпов, Мартынов писал будущим под арестом: «Для облегчения моей преступной скорбейшей души позвольте мне проститься с телом моего лучшего друга и товарища». С другой стороны, Мартынов деланито посылает на место поединка за забытой так черескорой, чтобы явиться к командиру в полном параде, и арестованный, апертично принимается за свою защиту.

Не сохранилась первая записка Мартынова секундантам. Правда, о ней дает яркое представление ответ Васильчикова и

Глебова: «Признаться тебе, — пишут они Мартынову, — твое письмо несколько было нам неприятно. Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всюду».

Как последовательно осуществляет Мартынов все советы своих секундантов! Еще в первой записке Глебов рекомендовал ему показать официально: «Придя на барьер, ты напиши, что ждал выстрела Лермонтова».

И в объяснениях, данных следственной комиссии, Мартынов не преминул воспользоваться этим советом: «Я первый пришел на барьер, ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок».

Прошел год. Мартынов ничего не забыл и в прошении, поданном в синод о смягчении церковного наказания, снова воспроизводит ту же ложь: «Я... уже на месте происшествия выжидал несколько времени выстрела, стоя на барьере».

В хлещучей характеристике «напыщенно» и самозабвенно Мартынова влетают новые, «деловые» черты. Неожиданно и приписывается ему «вспыльчивость». Она странно уживается многие годы с спокойным отношением к шуткам Лермонтова, увеселенным даже в альбомах. Апокрифический образ Мартынова до сих пор в ходу. Но очень важные факты его биографии не привлекают ничьего внимания. Почему, например, совсем незалого до дуэли с Лермонтовым Мартынов, молодой блестящий офицер, неожиданно уходит в отставку «по домашним обстоятельствам»? Почему никто не занялся «творчеством» Мартынова? Известны его произведения в прозе и в стихах. Поразительные замствования у Лермонтова могут дать ключ к их взаимоотношениям.

Наконец, какую истинную причину дуэли являю скрывал Мартынов, когда фабриковал подпольную переписку, якобы унизившую Лермонтова в прочтении семейных писем, ругательных похвал для передачи Мартынову? Эти подлоги ныне установлены.

Много лет спустя после дуэли биограф Лермонтова Н. Викторов встретился с Васильчиковым.

«... Кто, собственно, был секундантом Лермонтова? — Собственно, не было определено — кто сей секундант. — последовал ответ секунданта Васильчикова и

Удивительно, как пошел на эту нелепую ложь осторожный Васильчиков. Кто же не знал тогда, что дуэльная практика очень строго регламентировала права и обязанности секундантов, а сам Васильчиков писал Ю. В. Арсеневу вскоре после лермонтовской дуэли: «Не в первый раз я участвовал в поединке»...

Неясна и роль Столыпина. Как мог Столыпин, секундант Лермонтова, санкционировать такие тяжелые условия? Быть может, Столыпин, считая неприемлемыми кровавые условия дуэли, отказался от секунданства? Но пассивный отказ не может служить оправданием для родственника, близкого друга Лермонтова — пенителя его таланта. Наоборот, самое активное вмешательство Столыпина даже по «морали» дуэльного кодекса вовсе не затрунло бы «рыцарской» его чести как секунданта.

Так же непонятно и поведение товарища Лермонтова — Глебова. Задним числом он старается установить, что секунданты принимали меры к примирению противников. В записке, посланной Мартынову на гаушвахту, Глебов пишет: «Надеясь, что ты будешь говорить и писать, что

1809 г.

А. В. Кольцов

16 октября 1809 г. родился Алексей Васильевич Кольцов. Поэтическое дарование Кольцова с наибольшей полнотой вышло в лирике. Его стихи — песни органически связанные с фольклором и существенно отличающиеся от тех стилизованных подделок под народность, которые сочинялись его предшественниками...

1869 г.

Сент-Бев о Гоголе

18 октября 1869 г. умер известный французский критик и поэт Шарль Сент-Бев. Основатель и яркий представитель библиографического метода в литературной критике, он направил все свое внимание на изучение личности писателя, мельчайших фактов его биографии.

«Я всегда любил», — говорит он, — переписку, разговоры и биографии писателей. Запасшись этими материалами, я изучал личность писателя, вопрошал его душу, заставляя его поворачивать перед собой. Мало-помалу каждая из черт его нравственной физиономии занимала свое место, и взамен типа неясного, абстрактного появлялся образ конкретный, индивидуальный».

Пользуясь этим методом, Сент-Бев написал целый ряд острых критических статей о всех наиболее выдающихся представителях мировой литературы, в том числе и о Гоголе.

В статье о Гоголе, малоизвестной широкому кругу русских читателей, Сент-Бев уловил характерные черты его творчества. Разбирая повесть Гоголя, вышедшую в 1845 г. в переводе Луи Вьярдо, он писал следующее: «До перевода Л. Вьярдо едва ли какой-нибудь француз прочел оригинальное произведение Г. Гоголя. В таком же положении был и я. Однако на моей стороне есть преимущество, на которое я настоятельно указываю: несколько времени назад на пароходе, во время переезда из Рима в Марсель, я встретил автора. При этом случае беседа его, обильная доводами, отличавшаяся точностью и богатством наблюдений под влиянием и просветившая обывательскую жизнь, дала мне возможность схватить налету, так сказать, предвкусив всю оригинальность и реализм его сочинений. Гоголь, как видно, прежде всего заботился о верности в изображении нравов, о правдивости в воспроизведении жизни, о естественности, быть то в настоящем или в историческом прошлом; его интересует народный гений, и куда бы ни устремлялся его взор, он любит обнаруживать присутствие этого гения и изучать его. Так Г. Гоголь сообщил мне, что он отыскал в Риме истинного поэта, поэта народного, по имени Белли, который пишет сонеты на трансверверском наречии. Мне пришло в голову слышать, что умные русские сравнивали Г. Гоголя с Мериэмом и назвали между ними сходство. Сравнения эти всегда приносили в свет лишь отдаленные и приблизительные понятия. Но теперь то, что Г. Гоголь имел особенную идеальность, чем наблюдением, что он не отступал перед трудными и нагими сторонами действительности и, нимало не робея, резко и глубоко проникает в ее нутро: он больше всего интересуется природой и, вероятно, много читал Шекспира».

Сент-Бев удивительно верно почувствовал преклонение Гоголя перед Шекспиром, которого писатель-реалист постоянно перечитывал и которого в одном из своих писем называл «любимым, юным, отражающим в себе, как в верном зеркале, весь огромный мир и все, что составляет человека».

По газетным столбцам

— В Тбилиси в издательстве «Федерация» на грузинском языке вышли отдельные книжками переводы шекспировских пьес «Айдамык», «Сон» и «Катерина». К изданию поэта готовится выпуск сборника избранных сочинений Т. Г. Шенченко («Звезда Востока»).

Белинский о Пушкине

Ленинградское отделение Государственного издательства «Художественная литература» выпускает второе дополненное издание книги В. Г. Белинского «Сочинения Александра Сергеевича Пушкина».

В отличие от первого издания, выпущенного в 1937 г., в этом помно классических одиннадцати статей 1843—1846 годов, рецензий Белинского 1831—1841 годов на отдельные тома сочинений Пушкина и пушкинского «Современника», всех посвященных Пушкину библиографических и информационных заметок, в сборнике будут помещены еще отрывки из статей и рецензий Белинского 1834—1847 годов, в которых о творчестве Пушкина сказано только мимоходом. В книге помещены также отрывки писем Белинского 1837—1847 гг.

Редакция, выступившая с инициативой к этому изданию Н. И. Мордовченко. Тираж издания 20 000 экз.

ЦВЕТУЩАЯ МОЛОДОСТЬ

Государственное издательство «Искусство» в 20-летие ВЛКСМ выпустило литературно-эстрадный сборник «Цветущая молодость». В сборнике помещены стихотворения и прозаические произведения советских писателей. В первом отделе помещены стихи В. Маяковского, Вас. Леbedева-Кумача, С. Михалкова, А. Прокофьева, А. Суркова, С. Михалкова, А. Прокофьева, М. Исаковского и других поэтов. В этом же отделе помещены стихи испанского поэта Антонио Апариско и китайского поэта Эми Сюа.

Второй отдел открывается отрывками из двух романов Н. Островского «Рожденные бурей» и «Как закалялась сталь»; затем помещены произведения Е. Герасимова, М. Зрилки, К. Финна, Н. Бочина, Л. Абу-Гитского, В. Горбатова, Ю. Олени, Л. Касилья, Н. Огнева, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, В. Герасимова, Г. Рыкина, Л. Никитина, Мих. Кольцова и другие. Тираж сборника 10 000 экз. Цена в переплете 6 руб.

«Указатель сказочных сюжетов»

В Государственном литературном музее имеется большое собрание русских народных сказок. Наиболее интересные из них — сказки Орловской губернии, записанные в 1913—1915 гг. И. Ф. Калининским; сказки Северного края, записанные М. В. Едемским в 1917—1924 гг.; приволжские сказки 1910—1917 гг., собранные А. А. Савельевым. Любопытны новые записи старых сказок и сказов, разработанные современной тематикой, собранные юными фольклористами — читателями газет «Колхозные ребята» и «Ленинская правда» (1934—1936 гг.). В фольклорном отделе имеется около 1500 русских сказок, большая часть которых не опубликована.

В настоящее время научные работники фольклорного отдела закончили научное описание сказок и приступили к печати «Указателя сказочных сюжетов», который выйдет в издании музея.

Эта работа будет иметь большое практическое значение для изучения русских сказок.

Книжная хроника

— В XIV томе собрания сочинений Степана, выходящем в Ленигослитиздате, печатаются: «Иван Неполоево» и «Воспоминания о Неполоеве».

— В Гослитиздате печатаются все три части «Божественной комедии» Данте — «Ад», «Чистилище» и «Рай» в переводе Д. А. Мина. Текст иллюстрирован известными гравюрами Г. Дова.

Ленигослитиздат выпускает дорогое издание знаменитой поэмы Данте в переводе М. Лозинского. В печати находится первая книга комедии «Ад». В этой книге будут помещены репродукции картин Боттичелли.

— В издательстве «Звезда Востока» выходит третий и последний том третьююю собрания сочинений классика армянской литературы — А. Ширванзаде. В третий том вошли: большая автобиографическая повесть «В гонимые жизни», «Дневник приключений», рассказы «Юность», «Блака Аке», «Возвращение героя», «Позар на нефтяных промыслах» и пьеса «Иза-за чети».

ГЕРОИ ХАСАНА В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В ослепительном свете прожекторов, под неумолчный треск киноаппаратов в гостиной Московского клуба писателей является несколько скромных человек с авиационными петлицами.

Их приветствуют стоя. Давно уже маленький зал клуба не слышал такой бурной овации.

Изо дня в день скромно делают они свое великое, историческое дело — охраняют дальневосточные рубежи. Это они бомбили ошеломленных японцев на высотах сопки Заозерной.

Наши гости не растраивают своих выступлений: говорят они коротко, без ораторской жестикуляции.

Над их головами символически возмещается огромная карта района озера Хасан — точная копия приложенной к Хунчунскому соглашению карты, где толстая красная линия проходит через гребень сопки Заозерной.

Когда летчики готовились к вылету на Хасан, им было дано устное задание — «японцев разбомбить, сопку очистить и не нарушить ни одного международного юрисдикции».

Они с честью выполнили это чрезвычайно сложное задание.

В дни, когда в Европе полным ходом идет чудовищный торг за счет малых наций, появление четырех летчиков в гостиной писательского клуба вызывает поэтическое волнение.

Мы не торговались с агрессором. Ближайшие в мире, мы нанесли ему прямой удар.

В сибирской интервенции армия «восходящего солнца» уже потерпела поражение. Сейчас она несет одно за другим жестокое поражение. Что будет дальше?

В своем докладе на вечеру 12 октября в Клубе писателей комиссар части Т. Тройна рассказывал о японском генерале, который предлагал, имея 150-тысячную армию, пройти через Монголию на Байкал и отрезать Дальний Восток. На военном совете у него звание было спросили, «каким же путем уважаемый генерал собирается вернуться с Байкала?» На этот вопрос любезный рубака не сумел ответить.

На худой случай у вожаков японской авантюры имеется еще один путь: стилистика.

Война в Манчжурии в японских газетах именовалась «неприятным инцидентом». Война в Китае названа «напряженным положением». По поводу «инцидента» на озере Хасан японское радио сообщало, что «о поражении не может быть речи».

Мы, однако, в простоте счефтаем, что, когда армия бежит с поля сражения, оставая за собой порочное количество убитых и раненых и огромное количество оружия и снаряжения, речь идет именно о поражении.

Впрочем, дело не в стилистических тонкостях.

На трибуне лейтенант Юрнев. Мы внимательно слушаем за его словами. Обстановка полна драматизма. По боевой тревоге самолеты вылетают к границе. Сплошной облачный занавес мешает ориентировке, но и делает наши машины невидимыми.

Фильм «Ленин в Октябре» на туркменском языке

Ашхабадская киностудия (Туркменская ССР) выпускает на туркменском языке фильм «Ленин в Октябре». Эта работа проделана режиссерами студии Я. Агахановым и А. Мельниковым. Фильм будет показываться в кино-театрах Туркменистана в дни празднования XX годовщины ленинско-сталинского комсомола.

Ашхабадская киностудия уже выпустила на туркменском языке фильм «Партизаны». Фильм демонстрируется на открытых совхозно-колхозных клубах Туркменистана.

для японцев. У самого гребня Заозерной занавес как бы раздвигается, и мы видим черную, дымящуюся вершину сопки. Японцы немедленно открывают интенсивный, но бесплодный огонь из зенитных орудий и пулеметов. В результате ни один советский самолет не был выведен из строя. Японцы стреляют по «своей» скорости, по-видимому, за скоростями советской авиации им трудно угадать. Окончательно ослепев от перестановки дистанций, они открывают заградительный огонь. Все это не слишком утешительно для «непобедимой армии».

«Императорский воздушный флот» отсутствует. Ничтожный резерв Квантунской армии не решился подняться в воздух. Основная масса японских самолетов находится в Китае, где их систематически уничтожают китайские летчики.

Лейтенант Лельчицкий в момент боевой тревоги находился в санатории. Он спит в свое подразделение. Настроение величественное. Летчики сидят у машин, с нетерпением ожидая боевого задания. В эти тревожные дни на базах у озера Хасан полным ходом шли полтавничания и даже был проведен шахматный турнир.

Лейтенант Лисиков летел на бомбардировщике. С величественным юмором описывает он растерянность самураев. Сопка дымит — на этот раз от воздушной бомбардировки. Ответные точки противника буквально стерты в порошок. Заозерная вся окутана дымом и туманом земли.

Лейтенант Русанов допоздна эту картину. Молодые летчики, получив повреждение в воздухе, доводят самолет до базы, совершают блестящую посадку и спасают материальную часть. Один из них находит у себя в меховом сапоге японскую пулю «длинную», закрученную на кошке».

Женщины — жены командиров организуют зарплатную службу в тылу. С вынужден на плече они охраняют колоды и обматывают. Они работают в госпиталях и столовых.

Выступивший в конце вечера Герой Советского Союза полковник Серов дает общую характеристику действий авиации в борьбе с наземным противником и подчеркивает ее роль на озере Хасан. Советская авиация великолепно выполняла все свои задания, спасла для страны множество жизней и нанесла захватчикам сокрушительный удар.

При долгом дальнейшем описании в честь летчиков председательствующий т. Финк закрывает собрание. Перед глазами остается огромная карта, на которой жирной красной чертой отменен советский рубеж.

Вот она, та самая пьез земля, о которой говорил товарищ Сталин. Небольшая бурная полоска земли. Видимому, «непокоримые» самурай надеялись, что Советский Союз и защищать не будет такую ничтожную часть своей огромной территории. Это «вариант», однако, провалился с позором. Красная Армия сделала все.

Вечер 12 октября в Клубе писателей многих из нас взволновал и затолкнул на новую тему. Теперь дело за литературой.

Лев РУБИНШТЕЙН.

Многотиражные издания

В ближайших дни Государственное издательство «Художественная литература» выпускает большими тиражами произведения советских писателей.

Тиражом 50 000 экз. выходит повесть В. Катаева «Я, сын трудового народа». Цена в переплете 1 р. 75 коп.

Первая книга «Поланского дневника» М. Кольцова выпускается тиражом 100 000 экз. Цена в переплете 1 р. 75 коп.

В «Дешевой библиотеке» Гослитиздата выходит 47-е издание романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Роман издан в двух книгах тиражом в 100 000 экз. каждая. Цена за две книги 1 р. 30 коп.

Десятая книга «Нового мира»

Октябрьская книга журнала «Новый мир», посвященная 20-летию ленинско-сталинского комсомола, открывается редакционной статьей «Героический комсомол».

В книге много стихов молодых советских поэтов — Е. Долматовского, М. Юченева, А. Брикеева (в переводе М. Голонного и М. Исаковского), Ф. Федорова, К. Симонова, М. Матушевского, А. Недогонова и А. Котана.

В отделе художественной прозы напечатаны: четвертая книга романа Глазкова «Энергия» и романы В. Лосева «Молодой человек», а также рассказы В. Федоровича «Акаф» и Б. Лапина «Витка».

В отделе «Люди и факты» — рассказы участников боев в районе озера Хасан: Е. Лельчицкого, Н. Лысикова и А. Панфилова; литературный портрет секретаря адгеевского обкома ВКП(б) Нины Шевцовой, написанный З. Рихтер, очерк И. Берковича «С. М. Киров на Астраханском фронте» и «Письма в вечность» Л. Жарикова (письма девяти комсомольцев, осужденных и расстрелянных ленинградской контрразведкой в 1920 году в Одессе по элементному процессу «семидесяти»).

Статья В. Холакова — «Комсомол в Красной Армии и Флоте», И. Попова — «Фашистская Германия и ее вооруженные силы» и Н. Журавлева — «Роль авиации в современной войне» — составляют отдел журнала «Бели автра война».

В отделе «Литература и искусство» — воззвание чехословацких писателей и ответ советских писателей писателям Чехословакии, статьи: И. Дукора «Здравствуй, жизнь!» — о молодых советских поэтах, Г. Кельина «Испанская молодежь и ее литература», П. Маркова «Сорок лет Художественного театра», Р. Пересветова — о Музее МХАТ и три отрывка из готовящегося к печати третьего и последнего тома переписки А. П. Чехова с О. Л. Книппер.

«ОКТАБРЬ»

Вышел № 7-8 литературного журнала «Октябрь» на бакирском языке.

Передовая «Народ держат в мобилизационной готовности» призывает бакирских писателей работать над созданием оборонной литературы. Журнал указывает на отсутствие в бакирской литературе романов, повестей, рассказов и очерков на оборонную тему.

Отдел прозы журнала открывает переводы отрывков из русских классиков и советских писателей. В номере даны отрывки из романа «Хлеб» А. Толстого — «Сталин в Париж» в переводе Б. Файза, отрывок из романа М. Горького «Саламат Назир» в переводе Р. Нигматова, «Слова о полку Игореве» в переводе Ю. Гарана. Кроме того в журнале помещен перевод «Метель» Пушкина.

В отделе поэзии помещены переводы стихотворений Некрасова и Лермонтова. Опубликованы также новые стихи бакирских скаитателей Фарха Давлетшина и Салт Немагиллова и стихотворение поэта С. Кудашева «Наш Горький».

Журнал отвечает на хорошей бумаге, но плохо оформлен.

ИЗВЕЩЕНИЕ

17 октября в Московском клубе писателей состоится очередное 25-е производственное совещание новеллистов. Начало в 8 час. вечера.

ПОПРАВКА

В предыдущем номере газеты в отчете о заседании Президиума ЦСН имеется ряд неточностей. Тов. В. Луговской включен в комиссию по изучению литературного наследия Сталинского, а не в комиссию, созданную по докладу С.И. Арсенина.

В разделе о Бурят-Монголии вместо Агинского округа сказано Ордынский. Последнюю фразу раздела следует читать: «Поэту В. Казину поручено ознакомиться с творческой продукцией бурят-монгольских писателей» и т. д. Неверно назван переводчик на карельский язык «Слова о полку Игореве». Поэму переводил тов. Корольев.

Сотрудники, допустившие эти ошибки, о работе сият.

Правление Союза советских писателей со скорбью извещает о смерти талантливого поэта А. Г. АРХАНГЕЛЬСКОГО, последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни.

Утас человек яркого дарования, мастер острого смеха, настоящий большой талант.

Умер Александр Григорьевич Архангельский.

Советский читатель знал и любил его, как автора великодушных пародий, эпиграмм, превосходных сатирических стихотворений.

Его любил за искрящееся остроумие, за умный, разный смех, за то, что он был настоящим художником-борцом, активным строителем советской литературы. С огромной страстностью Архангельский бичевал косность, штампы и калтуру, ополчался против всяческих околотитулярных прихлебателей и дельцов.

Его глубокие и меткие пародии подчас стояли целой критической статьей. Были действенной и убедительнейшей критикой. Он высоко и гордо нес звание советского сатирика, и только смерть заставляла его выгнать из рук верное перо.

До последних дней своей жизни, несмотря на длительную и тяжелую болезнь, Архангельский продолжал творить, как человек, глубоко преданный своему делу.

Обаятельный образ Архангельского надолго останется в сердцах тех, кто знал и любил его, читал и изучал наизусть его блестящие произведения.

Мы никогда уже не услышим, как смеется Александр Архангельский, но громко звучит и долго еще будет звучать для советских читателей бойкий, жизнеутверждающий смех Архангельского поэта.

А. Фадеев, В. Катаев, К. Федин, В. Герасимов, А. Караванов, Ю. Либединский, Л. Соболев, А. Гурвич, Ш. Соколин, Б. Гроссман, Н. Замощкин, А. Раскин, М. Слободской, Мих. Пустынник, С. Швецов, В. Ардов, Н. Зарьян.

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер наш милый друг — Саша Архангельский. С ним связан большой период нашей жизни.

Нам особенно тяжело терять друга, который именно в последние годы широко развернул свое сатирическое творчество и от которого можно было ждать еще много высокоталантливых произведений.

Своим необыкновенным редакторским чутьем, товарищеским участием и ценными советами он помогал нам в нашей работе.

Со смертью Саши Архангельского из нашего коллектива ушел наш общий соратник, неопытный редактор и самый близкий друг.

КУРЬНИКОВЫ.

Письмо в редакцию

Почти ежедневно в московских газетах печатается объявление «Изучайте иностранные языки», призывающее в частности покупать недавно выпущенный в Ленинграде издательством ГОНТИ «Элементарный учебник итальянского языка». Уже при беглом просмотре учебника у меня явилось сомнение в его пригодности. Онокалось, что составитель учебника не имеет никакого понятия об употреблении предлогов, союзных и местоимений и не умеет правильно построить самую простую фразу. Небрежность его дошла до того, что он позабыл дать спряжения вспомогательных глаголов, без которых, как известно всякому, ни в одном романском языке нельзя проспрягать глагола. В результате фразы, сочиненные составителем учебника, написаны на языке, который только он один считает итальянским.

На странице 16, строка 13 снизу он, вероятно, хотел написать по-итальянски следующую фразу: «Кабинеты начальников длинные и широкие». Фраза не слишком удачная, но он построил ее так, что непонятно ее еще усиливала, и смысл ее стал таков: «Кабинеты, которые имеют начальников, длинные и широкие». Вероятно, он хотел на странице 17, строка 4 снизу сказать: «У добрых друзей моего отца нет столь прекрасных книг, как у добрых друзей моей матери». Однако минималистская фраза оказалась таковой, что она приобрела и другой смысл: «Добрые друзья моего отца не имеют книг, столь же прекрасных, сколь прекрасны друзья моей матери». Что предлокази сказать составителю учебника на странице 17, строка 5 снизу и стр. 27, строка 11 сверху, мы не знаем. Во всяком случае для итальянца эти две фразы имеют такой смысл: «Далеко от нас находится чернышья, стоящая на столе, находящаяся от нас близко, белая». На околице нас тот человек, который кричит в саду?».

Спрашивается, кто редактировал эту чепуху? Кто разрешил выпустить в свет совершенно безграмотную книгу? Перефразируя одно из самых удачных суждений составителя, развеем наше суждение об этом элементарном учебнике так: есть еще издательства, «которые имеют канцелярские длинные и широкие, но не имеют талантливых».

Проф. Б. ГРИЦОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

Александр Архангельский

Многие из нас, критиков, могли бы поучиться у мастера советской литературной пародии Александра Архангельского: трудному искусству — коротко и восторженно вскрывать самое существо разбравшего художественного произведения, его своеобразия. Мы, критики, видели в лице Архангельского не только острого поэта-сатирика, но и своего талантливого собрата. Пина обстоятельная — перегруженная цитатами — критическая монография не могла сделать того, что делали некоторые пародии Архангельского. Они четкие, безошибочно раскрывают пережителем облики пародируемого художника. Они сразу же и надолго запечатлели в памяти читателя «особые приметы» многих советских писателей. Пародии Архангельского не только смешили. Они учили. Учили литературному вкусу, серьезному, углубленному отношению к художественному творчеству и — в каком-то смысле — представляли собою своеобразную форму литературной критики. Только это была критика художественными средствами.

Каковы же эти художественные «приметы»? На первый взгляд этот вопрос звучит неуместно. Ведь кое-кому может показаться, что автору пародий не нужна творческая индивидуальность, что он может пренебречь ею, поскольку работает на территории своей «железья» и оперирует ее же оружием. Не случайно принято считать литературную пародию легким жанром. Мнение — в корне ошибочное. Легким этот жанр становится для тех «журналистов», которые облегченно относятся к своей роли и в пародиях видят только или к чему не обязывающее хихиканье над слабостями того или иного писателя. Зато он по-настоящему труден и ответственен для подлинного поэта-сатирика, который обращается к литературной пародии как к испытанному оружию творческой идейной полемики. Именно так в своей практике ощущал пародию Александр Архангельский.

И на всем протяжении своей деятельности он сохранил неповторимую творче-

скую индивидуальность, требовательного советского читателя с тонким литературным вкусом и живой публицистической жилкой пламенного общественника.

Многолетний сотрудник «Крокодила», «Крестьянской газеты» и массового сатирического журнала «Лань», известный тысячам читателей под псевдонимом «Архип», он вошел в нашу литературную среду как автор подлинно советских пародий, т. е. таких пародий, которые лишены какой бы то ни было примеси хихиканья и легшего зубоскальства. Юморист «по складу своей души, по самой стrophicной сути», он великолепно подмечал смешное в литературном произведении. Но к этому смешному он неизменно подходил с серьезностью и глубиной.

Легко, доходчиво звучали и звучат стихотворные пародии Архангельского, написанные как будто в один присест. Но скрывать эту легкость мы невольно ощущали большой, добросовестный труд активного и выскательного чтения. Он был превосходным читателем. Мы скажем точнее — творческим читателем.

«Уметь читать и учить читать других — одна из благороднейших задач критика» — говорил Сент-Бев. Существуют, с позволения сказать, «критики» и «пародисты», но столько читающие книги, сколько вчитывающиеся в ней те места, которые нужны им для разбора или для осмеяния. Архангельскому было органически чуждо такое «чтение». Он читал честно, всесторонне, углубленно, буквально «вытрясая» в каждую строчку. Ничего не могло помешать ему правильно читать: ни претвратая репутация, ни кулуарные, коридорные разговоры, ни личные его взаимоотношения с тем или иным писателем. Для него существовало литературный факт и оценивал он его, руководствуясь своим зачастую безошибочным эстетическим вкусом и политическим чутьем советского патриота. В результате его пародии возникали как литературный факт самостоятельного значения!

Вышедшие в 1927 году отдельным сбор-

ником первые литературные пародии Архангельского сразу же создали ему имя в литературной среде. С тех пор не только у читателей, но и у советских писателей произведение Архангельского пользуется неизменным успехом. Характерно, что даже художники, стоявшие жертвами язвительных насмешек пародиста, не обижались на него. Да можно ли было обижаться, когда Архангельский каждой своей пародией обнаруживал редкое по внимательности и добросовестности знакомство с их произведениями, когда он как бы интуитивно вскрывал все «секреты» все «шуршащие» их творческое механизма. Смешные черточки, помеченные Архангельским, доходили не только до широкого читателя, они в конечном счете убеждали и самого «осмеянного» Архангельского писателя.

Разнокачественные литературные пародии Архангельского. Разнообразны по своим стилистическим приемам. Почти всеобъемлющий читатель всего того, что выходило из-под пера советских писателей, он меньше всего хотел быть читателем всеядным. Прочитавшее он подвергал строгому отбору. Помните, как года два назад он, прочитав работу одного критика, вынес пародию на нее, да буквально вынес пародию из нее. Бывают моменты, когда обыкновеннейшая пародия звучит более талантливо, пародист почувствовал это и он, меньше всего стремившийся продемонстрировать свою талантливость, уступил и эпиграмме.

Михаил Кольцов когда-то рассказывал об одном общем собрании ленинградских поэтов, которые, обсуждая простую своего товарища, в виде самой строгой черты наказания потребовали «ответить этого поэта к писателю Зощенко, пусть он с него напишет рассказ». Как часто мы в нашей литературной среде, замечая стилистический «проступок» того или иного своего собрата, говорили: это достойно пародий Архангельского!

Это неспроста Александр Архангельский все штампованное, кокетливое, нескрен-

ное, и все же эта ненависть никогда не переключалась в пустоположное остроумие и злословие! Архангельскому было во имя чужд ненависть. Любовь к советскому искусству, к его конкретным представителям рождает лучшие пародии Архангельского. Вот почему в большинстве своем своей задачей не только вскрывать смешное, но и подчеркивать индивидуальное, своеобразное, неповторимое, хотя бы оно и скрывалось в отдельных смешных черточках. Пожелание Маяковского «чтобы больше поэтов хороших и разных» — органически близко Архангельскому. Его «Книга пародий» — это своеобразный парад индивидуальностей, выявляющий многообразие стилей и жанров в нашей советской литературе.

Все те, кто имел возможность встретиться с Архангельским в последние годы его жизни, с горечью наблюдали, как тяжело было ему, темпераментному, полному жизненной энергии поэту-публицисту не иметь возможности непосредственно участвовать в литературных боях последнего времени. И все же он, борющийся в течение четырех с половиной лет с туберкулезом в тяжелой форме, ни на минуту не ощущал себя в стороне от советской литературной действительности. Он не только внимательно читал наши литературные новинки, он продолжал писать на них (с температурой в 39 градусе!) пресловутые молодые затора пародии и эпиграммы.

Стихи Александра Архангельского будут перечитываться не раз. Многие из тех произведений, которым посвящены его пародии, устарели, преданы забвению. Но не устарели пародии Архангельского. Может ли быть забыта та большая любовь к подлинному советскому искусству, которыми они дышат? Может ли устареть не исключительно добросовестное отношение к литературному творчеству, образцом которого является многолетняя работа мастера советской пародии Александра Архангельского?

А. ЛЕЙТЕС.